

А.С. ПУШКИН
В РУССКОЙ
КРИТИКЕ

Л20 $\frac{Г.3}{514a}$

А.С. ПУШКИН В РУССКОЙ КРИТИКЕ

СБОРНИК
СТАТЕЙ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

*Вступительная статья
и примечания
В. ДОРОФЕЕВА и Г. ЧЕРЁМНА*

А. С. ПУШКИН
*Гравюра на дереве
художника Ю. Ростовцева*

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1953

А. С. ПУШКИН В РУССКОЙ КРИТИКЕ

1

«Пушкин, — писал Белинский, — принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение...»

Расцветающее дарование юного Пушкина на первых порах нашло восторженную оценку у виднейших русских писателей самых различных литературных направлений. Его «заметил» престарелый Державин и «благословил» как своего преемника. Карамзин и старшие товарищи Пушкина по «Арзамасу» — Жуковский, Батюшков, Вяземский и другие — восторженно отзывались о нем в своей переписке.

Самые ранние произведения Пушкина, в основном еще не выходявшие из привычных литературных рамок, встретили благожелательный прием в журналах. Впоследствии Пушкин, говоря о своей «музе» той поры, вспоминал, что

...свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил...

Но чем более определялось идейное содержание пушкинского творчества и его новаторство в области художественной формы, тем сдержаннее становились отзывы о нем критиков консервативного лагеря. В журнале М. Т. Каченовского «Вестник Европы» еще в 1820 году по поводу поэмы «Руслан и Людмила» прозвучал враждебный и раздраженный голос одного из приверженцев «старины»,

некоего «критика Бутырской слободы». Этот печально известный отзыв любопытен, конечно, не тем, что его автор ратовал за уже отжившую систему классицизма, но тем, что он отметил зарождение в творчестве Пушкина его важнейшей черты — *народности*. Литературному «староверу», пекущемуся об интересах своего класса, нельзя отказать в проницательности: он яростно обрушился как раз на то, что таило в себе наибольшую опасность для дворянской эстетики. «...Если бы, — возмущенно спрашивал критик, — в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: *здорово, ребята!* — неужели бы стали таким проказником любоваться?»

Консервативная критика 20—30-х годов носила, как правило, субъективистский характер и уделяла преимущественное внимание мелочам. Субъективистский произвол и отсутствие доказательств у таких критиков отмечал уже сам Пушкин, указавший, что они не идут далее того, что «это хорошо, потому что прекрасно, а это — дурно, потому что это скверно».

Консервативному лагерю в литературе противостояла прогрессивная критика в лице будущих декабристов и примыкавших к ним литераторов, которая, отражая настроения лучшей части общества, имела определяющее значение для эпохи. Прогрессивные литераторы требовали от критики, чтобы она «не корпела над запятыми и имела бы взор более общий», — как писал в «Полярной звезде» А. А. Бестужев («Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов»). Именно декабристская критика отличалась *идейной целеустремленностью*. Восторженно отзываясь о южных поэмах Пушкина, в частности о «Кавказском пленнике», А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев особенно высоко оценили «Цыган». Бестужев считал, что это произведение Пушкина «далеко оставило за собой все, что он писал прежде». Декабристов привлекали в этой поэме ярко выраженное вольнолюбие, романтический пафос, соединенный с естественностью изображения. «Здесь, — писал Бестужев, — гений его <Пушкина>, откинув всякое подражание, восстал в первородной красоте и простоте величественной. В нем-то сверкают молниеносные очерки вольной жизни и глубоких страстей и усталого ума в борьбе с дикою природою. И все это, выраженное на деле, а не в словах, видимое не из витиеватых рассуждений, а из речей безыскусственных. Куда не достигнет отныне Пушкин с этой высокой точки опоры?» Бестужев и Д. В. Веневитинов (близко стоявший к декабристам) очень высоко оценили «Разговор книгопродавца с поэтом» за то, что это произведение, как писал первый из них, «кипит благородными порывами

человека, чувствующего себя человеком». Выше всех прочих произведений критики-декабристы ставили ходившие в списках вольнолюбивые стихотворения Пушкина, которые использовались ими как революционные прокламации.

Южные поэмы Пушкина и ряд его стихотворений начала 20-х годов являлись для декабристов и близких к ним критиков знаменем передовой романтической поэзии. В накаленной общественной атмосфере тех лет теоретико-литературные споры сразу же приобретали обостренный политический характер. Пропаганда романтизма воспринималась как проявление «бунтарства». Даже такой умеренный по своим политическим взглядам критик, как П. А. Вяземский, выступивший по поводу «Бахчисарайского фонтана» в защиту романтической поэзии, подвергся ожесточенным нападкам реакционеров в лице М. А. Дмитриева, который отстаивал незыблемость классических «правил».

Декабристы стремились обратить интерес Пушкина к отечественной истории, к «исчерпаемому лону старины», изображение которой должно было, по мысли Бестужева, «возбуждать доблести сограждан подвигами предков». Рылеев писал (в январе 1825 года) сосланному в Михайловское Пушкину: «...ты около Пскова: там задушены последние вспышки русской свободы: настоящий край вдохновения — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы?»

В это время Пушкин и сам обратился к историческому прошлому России. Но он изобразил это прошлое — в «Борисе Годунове» — не с романтических (как этого требовали критики-декабристы), а с *реалистических позиций*. Его интересовали уже не отдельные героические личности сами по себе, но в первую очередь *народ* как движущая сила истории. В художественном отражении жизни Пушкин пошел неизмеримо дальше своих даже наиболее выдающихся современников. Потому-то и самые передовые критики того времени не смогли по достоинству оценить его новаторства.

И Бестужев, и Рылеев предпочитали южные поэмы первой главе «Евгения Онегина». Общественная значимость этой главы осталась непонятой ими: они искренно досадовали, что Пушкин тратит свой талант на воспроизведение современной ему «прозы жизни», вместо того чтобы заниматься разработкой «возвышенных тем». Исходя из требований романтической поэтики, Бестужев считал лучшими местами первой главы «Евгения Онегина» такие, «где мечта уносит поэта из прозы описываемого общества». Бестужев и В. К. Кюхельбекер впоследствии отнеслись отрицательно и к остальным главам «Евгения Онегина».

Со второй половины 20-х годов, после разгрома декабристов, когда господствующее положение в тогдашней критике заняли реакционные элементы, отношение журналов к Пушкину резко меняется.

Если даже наиболее передовая критика тех лет не смогла оценить всей глубины пушкинского новаторства, то тем более это оказалось недоступным обычному кругу тогдашних читателей. Но Пушкин обратился к реализму, не считаясь с литературной «модой»: «Добровольно выхожу я из ряда ее любимцев...» — писал он в 1830 году. Еще в 1825 году в письме к А. А. Бестужеву, говоря о «Борисе Годунове», поэт выражал опасение, что «робкий вкус» читающей публики «не стерпит истинного романтизма» (этим термином поэт обозначал то, что впоследствии стало именоваться реализмом). И он оказался прав: появление «Бориса Годунова» (в 1831 году) было встречено со стороны критиков почти всеобщим непониманием. Критика отмечала лишь отдельные сцены (хвалили, например, монолог Пимена), но идея произведения, как и художественные достоинства трагедии в целом, не были ею раскрыты. Статья Н. И. Надеждина о «Борисе Годунове» не являлась исключением, так как хотя в ней говорилось о народности этого произведения, но народность понималась критиком крайне поверхностно.

Первое время журналы еще продолжали печатать хвалебные статьи о творчестве Пушкина, но уже в конце 20-х годов вполне отчетливо ощущается перелом. «Первые неприязненные статьи, — писал Пушкин, — помнятся, стали появляться по напечатании четвертой и пятой песни «Евгения Онегина». Это были в 1828 году статья в «Атенее» и в 1829 году статьи в «Санкт-петербургском зрителе» и «Северной звезде». Далее была встречена отрицательными отзывами «Полтава». Активизировался в своих нападках на Пушкина выступавший и ранее против него реакционный «Вестник Европы»; в этом журнале Надеждин в 1829 году поместил издательскую рецензию на «Графа Нулина», в которой заявил, что эта поэма — «нуль во всей математической полноте значения этого слова».

Против Пушкина выступали критики самых различных оттенков, начиная от Н. А. Полевого, афишировавшего свою мнимую оппозиционность к самодержавию, и кончая шпионом III отделения Булгариным. Наиболее яростным нападкам подверглись последние главы «Евгения Онегина». Полевой объявил их «сбором отдельных бессвязных заметок и мыслей». Надеждин назвал пушкинский роман в стихах «картинками». Распоясавшийся Булгарин в своем

разборе седьмой главы «Евгения Онегина» провозгласил... «совершенное падение» Пушкина — «chute complète»!

Исключительным явлением в эту пору упадка и оскудения критической мысли была статья «Несколько слов о Пушкине» молодого Н. В. Гоголя, впервые отметившего подлинную народность и самобытность пушкинского гения и указавшего на колоссальное общественное значение творчества Пушкина. В противоположность остальным критикам тех лет, Гоголь, говоря о величайшем художественном совершенстве произведений Пушкина, приветствовал их реализм. Таким образом, наиболее правильную оценку при жизни Пушкин получил из уст своего ближайшего последователя и продолжателя в развитии русского реализма. Важнейшие черты пушкинского творчества, отмеченные Гоголем, были впоследствии всесторонне освещены в статьях В. Г. Белинского.

Враждебное отношение к Пушкину большинства критиков 30-х годов определялось, в основном, общественной обстановкой и политической борьбой этого периода, в которой сам Пушкин принимал активнейшее участие. Именно Пушкин, отразивший идеалы дворянских революционеров, случайно избежавший репрессий, в новых условиях продолжал воспитание и просвещение лучших людей своего времени для борьбы с самодержавием. Поэтому на нем и сосредоточили «критический» огонь открытые и скрытые реакционеры всех мастей. И Пушкин далеко не случайно именно в 30-е годы обратился к критической и журналистской деятельности, сам став наиболее выдающимся литературным критиком и публицистом своего времени.

Пушкин направлял свое оружие в первую очередь против шпионской булгаринской клики. Противопоставление Поэта — «черни» в стихотворениях Пушкина 30-х годов не может быть понято в полной мере без учета того, что оно относилось не только к позолоченной «черни» великосветских салонов, но и к той мешанской накипи, «идейными» выразителями которой в литературе и журналистике являлись продажные писаки типа Булгарина и Сенковского.

Передовая общественно-политическая тенденция Пушкина-журналиста вызывала противодействие и со стороны некоторых сотрудников пушкинского журнала, прежде всего — В. Ф. Одоевского, близкого к журналу «Московский наблюдатель» (который постепенно скатывался на консервативные позиции). В. Ф. Одоевский и А. А. Краевский пытались овладеть «Современником» изнутри, путем отстранения Пушкина от идейного руководства. В случае неудачи этой попытки они намеревались заменить «Современник» другим журналом.

Все более убеждаясь в идейном оскудении своих «друзей» и «союзников» из дворянского лагеря, Пушкин стал искать других людей для сотрудничества в «Современнике». Он первый из художников слова отметил и оценил В. Г. Белинского, только еще начинавшего свою критическую деятельность. Великий поэт решил привлечь Белинского в свой журнал, но преждевременная смерть помешала осуществлению этого намерения. Однако уже само по себе оно в высокой степени знаменательно. Стремясь сблизиться с Белинским, Пушкин тем самым обращал свой взор к зарождавшейся революционной демократии.

2

Как известно из воспоминаний и писем современников, Пушкин одобрительно отзывался о критическом таланте молодого Белинского. Эти отзывы стали известны Белинскому.

«...Я слышал похвалы себе от умных людей и — что еще лестнее — имел счастье приобрести себе ожесточенных врагов, — писал он Н. В. Гоголю в 1842 году, — и все-таки больше всего этого меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастью, дошедших до меня из верных источников, и я чувствую, что это не мелкое самолюбие с моей стороны, а то, что я понимаю, что такое человек, как Пушкин, и что такое одобрение со стороны такого человека, как Пушкин»*.

Уже в первых выступлениях Белинского великий поэт увидел начало той идейной критики, отсутствие которой он так остро чувствовал во второй половине 20-х годов и особенно в 30-е годы.

Еще в 1825 году Пушкин писал А. Бестужеву, оспаривая его ошибочное мнение, будто «у нас есть критика, а нет литературы»: «...Именно критики у нас и не хватает. Отселе... Княжнин безмятежно пользуется своею славою, Богданович причислен к лику великих поэтов, Дмитриев также...»

В то же время, указывая Пушкин, «...Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который в басне столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж. Б. Руссо».

Пушкин мечтал о такой критике, «литературные мнения» которой «сделались бы народными», на строгий вкус и нелюдимый суд которой можно было бы твердо опереться в дальнейшем стремительном развитии отечественной литературы.

* В. Г. Белинский, Письма, СПб., 1914, т. II, стр. 309—310.

Белинский начал в критике с того, к чему подходил, что ощущал как насущную потребность развития русской литературы сам Пушкин.

Многие высказывания молодого Белинского о писателях прошлого, о народности, об общественном назначении литературы и критики прямо перекликаются с критическими суждениями Пушкина, хотя последние в значительной части остались неизвестными Белинскому, так как не были опубликованы в его время. Но при всем сходстве позиций Пушкина и Белинского в идейной борьбе 30-х годов, при всем единстве их мнений по целому ряду существенных проблем общественной жизни и литературы того времени, великий поэт в последний период своей деятельности и молодой критик являли собою уже наметившееся различие двух поколений, действовавших в русской революции.

Пушкин в своем творчестве гениально отразил эпоху дворянской революционности и своими идейными исканиями прокладывал дорогу новому поколению. Он как бы воплощал в себе переход от одной великой эпохи русской жизни к другой.

Белинский являлся «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»*. С него начиналась самоотверженная деятельность нового поколения — поколения революционных демократов.

Белинский кладет начало и новой эпохе в понимании Пушкина, делает, по сравнению со своими предшественниками, колоссальный шаг вперед в критическом освоении богатейшего литературного наследия великого национального поэта России.

С юных лет и до конца дней Белинский неустанно обращался к творчеству Пушкина. Духовное развитие Белинского, его становление как критика в значительной мере совершалось «в лоне пушкинской поэзии», «светлой, ясной, прозрачной, *определенной*, возвышенно свободной, без напряженности, полной содержания и потому вызывающей из души читателя все чувства, даже такие, которых возможности он и не подозревал в себе, заставляющей *вглядываться и вдумываться* в природу, в жизнь...»**

Поэзия Пушкина помогла Белинскому воспитать в себе строгий вкус, понять великую освобождающую силу подлинно народного искусства, осознать мощь и национальное своеобразие русского художественного гения.

«Пушкин и Гоголь, — писал Белинский, — дали нам такие

* В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 20, стр. 223.

** В. Г. Белинский, Собр. соч., М., 1948, т. 2, стр. 138.

критериумы для суждения об изящном, с которыми трудно от чего-нибудь размахаться» *.

Белинский был первым, кто революционно осмыслил эти критерии, превратив их в действенное средство борьбы за боевое реалистическое искусство, проникнутое демократическими идеалами.

«Самая революционная натура николаевского времени», бесстрашный и стойкий борец против тьмы самодержавия и крепостничества, Белинский явился и самым чутким и самым глубоким ценителем Пушкина.

Безукоризненно честное отношение Пушкина к художественному слову, к званию литератора Белинский неоднократно ставил в пример писателям-современникам.

Белинский любил Пушкина со всею страстью человека, кровно связанного со своей страной. Пушкин олицетворял для него духовную мощь русского национального характера, «ясный положительный русский ум, силу и глубину чувства».

Когда в 1838 году в «Северной пчеле» появилась статья Булгарина, в которой тот глумился над памятью Пушкина, над титулом *великий национальный поэт*, Белинский ответил Булгарину: «Это наше мнение, которое мы имеем полное право выговаривать и еще тем смелее, что оно утверждено целым народом. Еще раз просим извинения у г. Булгарина, — с гневным сарказмом писал Белинский, — в нашей слабости любить и дорожить дарованиями, делающими честь *нашему* отечеству. Пушкин великий поэт, и поэт русский, русский и по душе, и по крови» **.

По отношению к поэзии Пушкина, по глубине понимания его творчества Белинский судил об искренности и силе патриотического чувства своих современников. Когда либерал П. В. Анненков, этот «турист-эстетик», собиравшийся в октябре 1840 года за границу, Белинский спросил его, какие книги он берет с собой.

— Странно вывозить книги из России в Германию, — отвечал Анненков.

— А Пушкина?

— Не беру и Пушкина.

— Лично для себя я не понимаю возможности жить, да еще и в чужих краях, без Пушкина, — резко отвечал Белинский.

Критик относил Пушкина «к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, при-

готовляют будущее...» Он видел в Пушкине одного из великих деятелей родной страны «на пути ее сознания, развития, прогресса» и яростно обрушивался как на прямых врагов, так и на мнимых «друзей» и «ценителей» поэта, пытавшихся принизить значение его поэзии.

Когда «западник» В. П. Боткин в одном из писем заговорил об «узости мировоззрения» Пушкина по сравнению с Гете и Шиллером, в якобы отсутствии в его произведениях нравственных идей, Белинский ответил либералу-низкопоклоннику: «У Пушкина то и другое бесконечно, только труднее в то и другое проникнуть, чем у немцев» *. «Мировоззрение Пушкина трепещет в каждом стихе..., а обилие нравственных идей у него бесконечно, да не всякому все это дается и труднее открывается, потому что в мир пушкинской поэзии нельзя входить с готовыми идеями...» **

Не менее страстно разоблачал Белинский и идеологов славянофильства, неоднократно пытавшихся умалить значение Пушкина, как носителя подлинно национальной и патриотической традиции в русской литературе.

Когда И. Киреевский в статье «Обозрение современного состояния литературы» (1845) попытался присвоить лагерю славянофилов исторические заслуги Пушкина, Белинский зло высмеял претензии славянофильских пигмеев. «Мы думали, — писал он, — что наша литература еще со времени появления Пушкина обнаружила живое и небесплодное стремление из подражательной стать национальной; мы думали, что в этом отношении заслуги Пушкина безмерны... Мы обманывались, — уничтожающе иронизировал Белинский, — до «Москвитянина», преобразованного в нынешнем году, не было русской литературы: она начинается с него, с января месяца 1845 года!» ***

Еще в «Литературных мечтаниях» Белинский безоговорочно подчеркивал общекультурное значение Пушкина. «Пушкин не говорил, что поэзия есть то или то, а наука есть это или это; нет: он своими созданиями дал мерilo для первой и до некоторой степени показал современное значение другой» ****.

Его поэзия способствовала установлению правильного отношения человека к миру, к действительности, его окружающей. Такое воздействие испытал и сам Белинский. Реалистическая поэзия Пушкина сыграла важную роль в его разрыве с идеализмом. Недаром

* В. Г. Белинский, Собр. соч., М., 1948, т. 2, стр. 171.

** В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., СПб., 1901, т. III, стр. 376.

* М. Г. Белинский, Письма, СПб., 1914, т. II, стр. 67.

** Там же, стр. 80.

*** В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, Л., 1948, стр. 185.

**** В. Г. Белинский, Собр. соч., М., 1948, т. 1, стр. 52.

сообщение о своем решительном освобождении от «примирения с действительностью» Белинский заключал стихами Пушкина: «Да здравствует разум! Да скроется тьма!» Белинский до конца дней подчеркивал благотворное влияние поэзии Пушкина на юношество: «Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального, — писал Белинский в пятой пушкинской статье, — она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладет на лицо жизни белил и румян, но показывает ее в ее естественной, истинной красоте; в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля. Поэтому поэзия Пушкина не опасна юношеству, как поэтическая ложь, разгорячающая воображение...»

Важность и принципиальное значение такой характеристики могут быть правильно поняты, если иметь в виду, что Белинский-материалист настоятельную задачу науки своего времени видел в том, чтобы навсегда освободить человеческое сознание «от призраков трансцендентализма и *théologie*, показать границы ума, в которых его деятельность плодотворна, оторвать его навсегда от всего фантастического и мистического»*. Прямая связь этих высказываний критика далеко не случайна. Она вытекает из материалистической сущности его эстетики, утверждавшей единство искусства и науки как средств познания окружающей действительности. «Истина так же есть предмет и цель искусства, как и философии, — писал Белинский, — вся разница в средствах и приемах. Иначе чем бы искусство было выше игры в карты?»** В поэзии Пушкина он находил то «сочетание простоты с истиною», которое «составляет высшую красоту и чувства, и дела, и выражения...»***

Белинский видел в Пушкине завершение многовековых стремлений русской литературы и начало нового ее периода, когда русская литература «развилась до полной художественности и сделалась выражением жизни своего общества, стала русской».

«Пушкин убил на Руси незаконное владычество французского псевдоклассицизма, расширил источники нашей поэзии, обратил ее к национальным элементам жизни, показал бесчисленные новые формы, сдружил ее впервые с русскою жизнью и русскою современностью, обогатил идеями...»

Больше того, начиная от Пушкина, с русской литературой «незаметно слились многие вопросы о жизни».

* В. Г. Белинский, Письма, Спб., 1914, т. III, стр. 175.

** В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., Спб., 1914, т. X, стр. 476.

*** В. Г. Белинский, Собр. соч., М., 1948, т. 3, стр. 556.

Неутомимо и самоотверженно работавший над тем, чтобы приблизить время, когда освобожденная от гнета Россия станет во главе передового человечества, Белинский находил в Пушкине реальное пророчество этого прекрасного будущего. «Не бывало еще на Руси такой колоссальной творческой силы, и так национально, так русски проявившейся», — писал он. «Если сила и мощь отдельно действующих лиц в нашей литературе поражают вас невольным удивлением, то чем же должна быть наша литература, когда она делается выражением национального духа и национальной жизни?.. — восклицал Белинский. — И мы уже видим начало этого желанного времени... Да будет!..»*

По признанию Белинского, Пушкин был гений такой всеобъемлющей силы и глубины, что, начав говорить о нем, «сказать всего не успеешь и в целую жизнь». Но за свою короткую жизнь Белинский успел сказать о Пушкине так много, исследовал его творчество с такой обстоятельностью, так разносторонне и глубоко, что на десятилетия вперед определил направление передовой русской критической мысли, и, как никто, способствовал формированию «мнения народного» о Пушкине.

Вопрос о Пушкине не был и не мог быть для Белинского только литературным вопросом.

Критик не раз подчеркивал переломный характер своего времени. «Элементы нашей эпохи, — писал он, — так многосложны и спутаны, вопросы так глубоко жизненны, что много надо пережить, переувлечь и перемыслить, чтобы решить их».

Одним из таких глубоко жизненных элементов было в те годы художественное наследство Пушкина. «Уже несколько поколений произнесли суд свой над Пушкиным, а потомство для Пушкина все еще не настало... Еще не решился вопрос о Пушкине, и уже сколько новых вопросов возникло, и возникло не из книг, как они возникали прежде, а из живых явлений»**. «Новые вопросы», возникшие в новую эпоху, не отменяли, а лишь углубляли первостепенное политическое значение вопроса о Пушкине.

Напуганное восстанием декабристов, популярностью Пушкина, ростом и влиянием передовой литературы, ставшей, по выражению Герцена, «третьей силой» в государстве, самодержавие сделало все, чтобы ослабить рост этой силы, ослабить влияние Пушкина на передовую литературу и передовые круги русского общества.

Правящие круги санкционировали появление на книжном рынке

* В. Г. Белинский, Собр. соч., М., 1948, т. 1, стр. 736.

** Там же, т. 2, стр. 401.

огромного количества переводной макулатуры, всячески поощряли псевдонародную и урапатриотическую страсть кукольников, загоскинных, поэзию бенедиктовых, тимофеевых и т. д.

В литературу хлынула целая орава продажных писак-проходимцев, подобных Булгарину и Сенковскому, под видом «критики» травивших Пушкина при жизни и еще более обнаглевших после смерти поэта.

«Такие цветы, — писал Герцен, — могли распускаться только у подножия императорского трона и под сению Петропавловской крепости».

«Благонамеренная» журналистика, преследуя передовых русских писателей, покровительствовала всему, что отличалось угодничеством, бездарностью, посредственностью и расчетом.

В «Библиотеке для чтения» Сенковского появлялись статьи за статьей, в которых этот «критик» отыскивал, по верной характеристике Белинского, «эгоизм в самопожертвовании, заблуждение в истине, глупость и тщеславие в добродетели. Великие люди у него явились и завистниками, и интриганам, и пролазами, и эгоистами, и невеждами, и негодяями; он искусно умел оттенить их этими качествами так, что из-за этих качеств не видно стало великих людей»*. Объективно в этом общем грязном потоке рядом с «критикой» сенковских и булгаринных оказывалась и «ученая» критика шевыревых. Н. Полевой продолжал как в 30-е, так и в 40-е годы поносить Пушкина якобы за измену убеждениям юности. В эти годы, по словам Белинского, равный успех имели и «песенники» г. Гурьянова и стихотворения Пушкина, Бенедиктов почитался многими выше Лермонтова, Марлинский — выше Гоголя, романы Фаддея Булгарина — выше повестей Пушкина. «Могли сомневаться в Пушкине, находить в нем недостатки, даже оспаривать его самостоятельность и великое значение для русской литературы», но «насчет Марлинского такой скептицизм казался невозможным»**. В то переломное время смены поколений в русском освободительном движении литература, по образному выражению Белинского, «напоминала собою деревянный дом Крылова, в который

Хозяева еще не вобрались,
А уж сверчки и мыши развелись...

...Но явились новые деятели — в дом, оставленный на произвол мышей, вступили настоящие хозяева***, и положение резко изменилось.

* В. Г. Белинский, Собр. соч., М., 1948, т. 2, стр. 409—410.

** В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., П., 1917, т. XI, стр. 150.

*** Там же, Л., 1948, т. XIII, стр. 152—153.

Против развращающего влияния подобной «литературы» и «критики», против фарисейского «патриотизма», псевдонародности, против посредственности, бездарности, возводимых в гении, и выступил Белинский, исполненный горячей любви к «плодовитому зерну русской жизни».

«В гении, — писал он, — не столько поражает находчивость нового, сколько смелость противопоставить его старому и произвести между ними борьбу на смерть». Сам Белинский и был тем мужественным гением, который возглавил борьбу нового со старым, борьбу против «журнальной черни» и «литературной тли», борьбу с «партией старческой литературы», «мешающей правильному литературному развитию», борьбу за то передовое, что так ярко проявилось в гении Пушкина и получило дальнейшее развитие в творчестве Гоголя, Лермонтова.

В эти годы на всех вопросах, связанных с наследством Пушкина, остро-политический характер приобрела проблема: будет ли русская литература развиваться по пути, намеченному Пушкиным.

И откровенно реакционная, и славянофильская, и либеральная критика прямо или завуалированно, но с полным единодушием проорочила исчезновение пушкинской традиции.

В этом отношении чрезвычайно показательна статья Ф. Булгарина «Письма о русской литературе», опубликованная в 1833 году и утверждавшая, что есть и будет множество подражателей Пушкина, но не будет *следствия* Пушкина.

Выступая в защиту Пушкина, Белинский не мог пройти мимо подобных «пророчеств» реакционной критики. Больше того, именно на их разоблачении он и сосредоточил главное внимание в первое десятилетие своей критической деятельности, отстаивая бессмертие исторического дела Пушкина и всячески способствуя влиянию его творений на передовую русскую мысль, на литературу, на прогрессивные круги русского общества.

«Пушкин не мог же быть явлением случайным, — утверждал Белинский, — а Пушкина мы... смело можем противопоставить любому поэту всех народов и всех веков»*.

Создания Пушкина, писал он в одной из рецензий, отвечая полевому и булгаринным, «относятся ко всем временам и всем эпохам, и с течением времени не проигрывают, а выигрывают»**.

* В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., СПб., 1901, т. IV, стр. 320—321.

** Там же, т. XIII, Л., 1948, стр. 40.

Пламенные высказывания Белинского о Пушкине, обличавшие светскую и журнальную чернь, которая пыталась «бросать грязью в страдальческую тень поэта», сыграли исключительную роль.

Борьба за Пушкина явилась для Белинского важнейшим звеном в его общей борьбе против реакционной идеологии за реалистическое направление русской литературы, приданное ей гением Пушкина, но уже связанное с новым, более высоким этапом русского освободительного движения.

В 40-е годы борьба Белинского за Пушкина значительно расширилась и усилилась.

С обострением социально-политических противоречий к открытым врагам пушкинского гения присоединились негласные его враги, вчерашние «друзья» поэта, давние почитатели его «сладких звуков» — славянофилы и либералы.

Естественно, что, продолжая бороться с откровенно реакционной идеологией, с литературным предпринимательством, с растлевающим влиянием «торгашества и бездарности», Белинский начал разоблачение этих замаскированных и потому более опасных политических врагов поэта.

Славянофилы, возглавившие «партию старческой литературы», умудрялись сочетать проповедь обскурантизма и мистики с будто бы искренней любовью к Пушкину, якобы искреннее уважение к его таланту с неменьшим уважением к таким «национальным» поэтам, как юродствующие во славянофильстве Хомяков, Языков и другие.

«Цивилизованные плантаторы», «пустоголовые европейцы» — либералы пытались представить Пушкина жрецом «чистой красоты».

Представители той и другой «партии» не скупились, по выражению Белинского, на «высокопарное пустословие». Объявив себя сторонниками «изящной» пушкинской музыки, они замалчивали *гуманное*, то есть антикрепостническое содержание поэзии Пушкина и ее объективно революционную направленность, умалляли значение Пушкина, как великого русского национального поэта, и не стеснялись в выборе средств в борьбе с развитием подлинно пушкинской традиции в новую эпоху — с передовой литературой, развивавшейся под благотворным влиянием революционно-демократических идей.

Белинский прекрасно понимал, что за «литературными мнениями» славянофилов и либералов скрываются «житейские понятия и убеждения», обусловленные «принципом класса» помещиков.

В ожесточенной борьбе литературных мнений своего времени

Белинский пронизательно улавливал проявления «различно действующих, мыслящих и убежденных поколений» *.

Знаменитый цикл пушкинских статей, завершивший собою целый ряд чрезвычайно существенных высказываний критика о Пушкине с начала 40-х годов, как раз и отражает этот новый этап борьбы Белинского.

Цикл его статей о Пушкине по праву считается классическим образцом русской боевой демократической критики. Он возник как итог многолетнего изучения Белинским творчества «первого русского национального поэта», как завершение всестороннего исследования истории русской литературы и осмысления особенностей ее развития. Вместе с тем цикл насыщен живой общественно-политической современностью, содержит последовательное разоблачение основ дворянско-буржуазного строя с позиций революционного демократа и социалиста и потому является одним из важнейших фактов в идейной борьбе 40-х годов.

Исполненный самого страстного революционного протеста против всяческого рабства и угнетения, Белинский обращается теперь к исследованию самых существенных сторон русской действительности, глубоко проникает в живую и плодотворную связь великих явлений русской литературы с русским освободительным движением, все решительнее становится в суждениях о литературе на почву истории, чтобы таким образом деятельно участвовать в расчистке путей для будущего.

«...Для меня, — писал он в начале 1841 года, — действительная и историческая жизнь не существуют только в прошедшем — я хочу их видеть в настоящем...» **

В осмыслении Пушкина Белинский буквально шел по целине. Ни один важный вопрос, ни одна существенная проблема, которые он выдвинул и гениально разрешил, ни в русской, ни в мировой критике до Белинского так глубоко не были ни поставлены, ни разрешены. Статьи о Пушкине составили эпоху в истории отечественной литературы («были замечены публикою», как скромно признавался сам Белинский). В течение многих десятилетий они питали передовую русскую мысль и не потеряли своего научно-познавательного значения до наших дней.

Цикл статей о Пушкине писался в течение трех лет (1843—1846). Чрезвычайно интенсивное идейное развитие Белинского в эти годы не могло не отразиться на проблематике и политической остроте

* В. Г. Белинский, Собр. соч., М. 1948, т. 3, стр. 37.

** В. Г. Белинский, Письма, Спб. 1914, т. II, стр. 203.

его высказываний. Рассматривая одну за другой пушкинские статьи, мы ясно видим, что Белинский все более укрепляется на позициях материалистической эстетики, что критика устаревших литературных мнений связана у него с беспощадным разоблачением враждебных народу идейно-политических течений того времени — славянофильства и либерального западничества.

Это в свое время отмечал Н. Г. Чернышевский, относивший статьи о Пушкине к «соединительным звеньям» между периодом, когда «отвлеченный элемент» в статьях Белинского был «еще довольно силен», и периодом, когда он исчезает окончательно, когда «система положительных воззрений становится совершенно последовательною». «Невозможно не заметить, — писал Чернышевский, — что взгляд Белинского постепенно становится все шире и глубже, а содержание статей все решительнее проникается интересами национальной жизни»*. В первых статьях, как отмечал Чернышевский, значение Пушкина объяснялось Белинским «преимущественно с художественной точки зрения», в последующих подчеркивалось «значение его деятельности для нашего общества, в котором его поэзии пробуждалась гуманность»**.

И действительно, в начале 40-х годов в критике Белинского заметны еще следы как бы двух аспектов в рассмотрении явлений литературы: «художественного» и «исторического».

Белинский уже и в этот период резко ограничивает сферу действий «эстетической критики», оставляя за ней лишь право отличать истинные произведения искусства от того, что не является искусством. В ходе конкретного анализа, в границах и этого «первого акта» критики Белинский неизменно становится на точку зрения «исторической» критики. Таков, например, его анализ ранней лирики Пушкина.

Внимание Белинского в анализе лирики обращено к проявлению даже в самых тонких движениях души поэта *типического*, общественно значимого содержания. Вместе с тем критик настолько проникновенен, что уже в первых ученических опытах Пушкина вскрывает то, что обещает появление совершенных, глубоко национальных художественных созданий. Статьи, посвященные лирике Пушкина, интересны для нас не рассуждениями об «идее прекрасного», а конкретным анализом пушкинской лирической поэзии, глубоко раскрывающим как содержание переживаний и стремлений передового рус-

ского человека определенной исторической эпохи, так и своеобразие классической, национально-самобытной пушкинской формы.

Устанавливая в первых статьях отличительное свойство пушкинской поэзии, Белинский подчеркивает ее «лелеющую душу *гуманности*». Казалось бы, суждение Белинского близко к мнению таких людей, как либералы Боткин и Анненков, неоднократно распинавшихся и в письмах и в статьях о «гуманности» пушкинской поэзии. Однако в их толковании «гуманность» — не более как эстетская фраза о якобы внесоциальном, вненациональном, абстрактно «человеческом» содержании поэзии Пушкина.

Утверждение же Белинского прямо противоположно эстетским суждениям либералов. В *гуманности* критик видел важнейшее завоевание передовой литературы своего времени, проявившееся, например, в осознанно антикрепостнических и революционных произведениях Герцена. Этим словом он определил и отличительное качество поэзии Пушкина. В статьях Белинского понятие «гуманность» наполнено остро социальным содержанием.

Преодолев влияние идеалистической эстетики, Белинский не откажился от анализа художественности, а придал ему исторический, социально-общественный характер. Тогда-то и стали открываться ему «натуральность», то есть реализм пушкинской поэзии, о чем он заявил в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», и ее «социальность», то есть антикрепостнический и объективно революционный смысл.

Поэзия Пушкина, подчеркивал Белинский, проникнута «бесконечным уважением к достоинству человека как человека», и передовой читатель того времени хорошо понимал освободительную сущность таких утверждений.

Каждому, кто сколько-нибудь сочувствовал бедственному положению народа, из критики Белинского, посвященной Пушкину, становилось ясно, что светлый мир пушкинской поэзии и мрак крепостничества несовместимы, что только «турок в душе», «цивилизованный плантатор» способен «восторгаться» пленительными звуками пушкинских песен и одновременно «воскурять фимиам» самодержавию.

Когда Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» попытался примирить непримиримое, Белинский справедливо обвинил его в чудовищном противоречии, в желании «поставить по свече» одновременно Пушкину и самодержавию, ратовать за просвещение и в то же время славословить религию и мистику.

Любить Пушкина значило, в глазах Белинского, горячо любить родину, русский народ, неутомимо бороться за его освобождение от крепостничества, от темноты и невежества.

* Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., М. 1947, т. III, стр. 274—275.

** Там же, стр. 275.

Основной вопрос, в свете которого Белинский рассматривает творчество Пушкина в своих статьях, — это материалистически разрешаемый критиком вопрос о соотношении искусства «с жизнью», которая всегда выше искусства, потому что искусство есть только одно из бесчисленных проявлений жизни».

Какой бы стороны творчества Пушкина ни касался Белинский в ходе анализа, — будь то народность гения Пушкина, национальная и всемирно-историческая значимость его дела или социально-историческая обусловленность его творчества, противоречие между «объективной верностью», реализмом, типичностью изображения русской жизни в его произведениях и социально обусловленными «симпатиями», классово ограниченными «убеждениями автора», — он всегда верен духу материалистической эстетики, последовательно отстаивает примат жизни, действительности над искусством, полемическое острое его суждений всегда обращено против чисто «художественной» критики, против теории «чистого» искусства, распространявшихся в те годы в России главным образом либералами.

Поэзия Пушкина, исполненная передовых национальных стремлений, «насквозь проникнутая содержанием, как граненый хрусталь лучом солнечным», и ни с чем не сравнимая по художественности, являлась для Белинского могучим средством в борьбе с пропагандой «чистого искусства», с сословно-дворянским дилетантизмом, низводившим литературу на роль «забавы для праздных ленивцев».

«Наш век враждебен чистому искусству, и чистое искусство невозможно в нем...» — писал Белинский в пору создания «пушкинских» статей. Развернув в пушкинском цикле уничтожающую критику «чистого искусства», Белинский первый разоблачил лживую легенду о Пушкине, как о ревнителе «чистой красоты». В противовес реакционной и либеральной критике, клеветавшей на Пушкина и пытавшейся в целях насаждения «чистого искусства» использовать его стихи «Поэт и толпа», «Поэту» и др., Белинский вскрыл сатирическую направленность этих произведений, причислив их к роду поэзии «наиболее социальному и гражданскому» и поставив в ряд с пьесами Лермонтова «Печально я гляжу на наше поколение» и «Поэт».

Не случайно, что именно Белинский первый объяснил, кого клеймил Пушкин словом «чернь», и тем в известной мере предвосхитил последующее исследование Плеханова. «В старину чернь называлась у нас «подлым народом», — писал Белинский в 1847 году, — благодаря образованности и просвещению это подлое название давно уже истребилось, а слово чернь удержалось. Но чернь есть везде,

во всех слоях общества; Пушкин указал нам даже на светскую чернь...» *

Пушкин в совершенстве владел «инстинктом истины», «тактом действительности», отмечал Белинский.

«Поэзия Пушкина, — писал он, — удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу или русские характеры». Наряду с этим Белинский подчеркивал, особенно в последний период своей деятельности, что Пушкин был по преимуществу поэт, художник, который усвоил России поэзию, как искусство, как художество.

«Все, что прежние поэты имели каждый порознь, все это Пушкин имел один, имея еще много и своего, чего ни один из них не имел; всем, что обладало прежними поэтами, — всем этим спокойно владел Пушкин. Вот почему мы от него ведем русскую поэзию и называем его первым русским поэтом. Это совсем не значит, чтоб до него не было поэтов, и притом еще достойных внимания, уважения, любви, известности и славы; но значит только, что в них выразились постепенные усилия русской поэзии, начиная от Кантемира и Ломоносова — из искусственной и подражательной сделаться естественною и самобытною, стремление из книжной сделаться живою, общественною, сблизиться с жизнью и обществом; а в Пушкине выразились торжество и победа этих усилий и стремлений. Пушкин — художник в полном значении этого слова; это его преобладающее значение, его высочайшее достоинство, и, может быть, его недостаток» **, — писал Белинский в 1842 году.

Нетрудно заметить, что в подобных утверждениях — а их немало встречается и в «пушкинских» статьях, — особенно в первых статьях, где дается определение «пафоса» пушкинской поэзии, — Белинский в ходе мысли, и особенно в способе выражения зависит порой еще от идеалистической эстетики.

Но как бы ни были отвлечены по форме многие утверждения Белинского, они всегда таили реальное конкретно-историческое содержание и потому получали в его критике боевое назначение.

Подчеркивая «подражательный», «пересадочный» характер литературы до Пушкина, Белинский, в сущности, подвергал критике дворянское сословно-ограниченное, оторванное от народа направление литературы.

* В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. X, Спб. 1914, стр. 479—480.

** В. Г. Белинский, Собр. соч., М. 1948, т. 2, стр. 372.

Провозглашая Пушкина первым поэтом-художником на Руси, Белинский тем самым подчеркивал историческую важность преобразований, совершенных им в литературе.

«Слово художественный — великое слово», — писал Белинский. Оно знаменует такую ступень развития, когда литература становится «национальным делом», овладевает содержанием национальной жизни, проникается передовыми национальными интересами и приобретает форму и направление, свойственные народному художественному гению.

Искусство любого народа не безлико. Оно всегда национально определено. Лишь искусство сословной касты, паразитического меньшинства, враждебного народу и чуждого национальным традициям, бесцветно, лишено национального колорита, космополитично. Но потому-то оно и не имеет ничего общего с подлинной художественностью и является профанацией искусства. «Хотя художественная русская литература развивалась не из народной поэзии, — писал Белинский, — однако первая при Пушкине встретила с последнею»*. Пушкин раздвинул пределы русской литературы, он придал ей народный характер, утвердил в ней реалистическое направление. Русская поэзия и до Пушкина владела поэтической прелестью выражения, стихом гармоническим и звучным. Однако, по мнению Белинского, русским поэтам до Пушкина была доступна лишь «внешняя сторона» стиха. Пушкин наполнил русскую поэзию глубоко жизненным содержанием, а вследствие этого и акустическое богатство, и мелодия, и гармония русского языка в первый раз явились во всем блеске в его стихах. Стих Пушкина — «это вековечный образец, неумирающий тип русского стиха»**. Все это в совокупности и означало, по мысли Белинского, то, что Пушкин является первым поэтом-художником на Руси.

Когда же критик видел в Пушкине только «художника по преимуществу», характеристика приобретала иной смысл. Руководствуясь в оценке явлений литературы критерием «правды жизни», воплощенной в совершенную художественную форму, Белинский ясно различал социально-исторические границы содержания пушкинской поэзии.

Пушкин «...созерцал природу и действительность под особенным углом зрения, — писал Белинский, — и этот угол был исключительно поэтический». В последующих статьях Белинский ставил этот «особенный угол зрения» уже в прямую связь с умеренностью полити-

ческих убеждений поэта, с его уважением к «принципу класса», — просвещенного дворянства. Пушкин, писал Белинский в статьях о «Евгении Онегине», «нападает в этом классе на все, что противоречит гуманности, но принцип класса для него вечная истина».

Глубоко жизненное, «истинно-русское» содержание, заключенное в каждом пушкинском произведении, Белинский справедливо считал первым условием народности Пушкина, его значения как великого национального поэта.

Пушкин, писал Белинский в статье об «Евгении Онегине», обрисовывает в своем лучшем произведении глубоко типические фигуры, но главные лица в нем «опоэтизированы»; таким образом, типическое в его романе имеет свои политические пределы.

Таким образом, столь отвлеченным по форме тезисом — «художник по преимуществу», Белинский устанавливал отличие одного, хотя и великого, но уже отошедшего в прошлое периода русской литературы от другого, современного критику и связанного с новым, революционно-демократическим этапом в русском освободительном движении.

Белинский первый поставил изучение творчества Пушкина на почву русской истории, указав на первостепенную важность для развития пушкинского гения национального подъема, вызванного отечественной войной 1812 года. Эпоха горячего патриотизма и сознание всемирно-исторического подвига русского народа — вот та живительная историческая атмосфера, где берет начало гений Пушкина.

Явление чрезвычайное и ни с чем не сравнимое, способное, по словам Белинского, наполнить собою целый период любой европейской литературы, Пушкин коренным образом изменил отношение русской литературы к русской жизни, к русской действительности, к народу, а вместе с этим изменил и соотношение культуры России и Запада. «Это уже не знакомство России с Европой, но Европы с Россией».

В последних статьях Белинский, вскрыв историческую обусловленность идейно-политических убеждений поэта, сказавшихся на его творчестве, наметил заключительные «границы» пушкинского периода русской литературы.

Без такого разграничения нельзя правильно объяснить ни значение Пушкина, ни направление развития литературы после Пушкина, без этого не могло быть и плодотворного влияния передовой критики на писателей современности, на передовые круги общества.

Не случайно в последний период деятельности Белинский особенно подчеркивает роль мировоззрения для художника. Он

* В. Г. Белинский, Собр. соч., М. 1948, т. 2, стр. 116—117.

** Там же, стр. 373.

выступает против разделения поэзии на «объективную» и «субъективную».

«Чисто объективного поэтического представления жизни, — пишет он, — такого, где бы поэт не подавал собственного голоса в делах людей, где бы умирали *его* мнения, где бы уничтожались *его* ощущения — не было, нет и не будет»*.

«Создание поэтического вымысла отражает в себе и поэта, ибо существует тесная, необходимая связь между тем, что произвел он в минуту вдохновения, и тем, что он был сам всегда и везде»**.

Вскрывая классовость позиции Пушкина, подчеркивая принципиальное отличие даже самой прогрессивной и передовой в свое время формы дворянской идеологии от революционно-демократического мировоззрения, Белинский ни в коей мере не принижал народности пушкинского творчества и антикрепостнической направленности его поэзии, так как видел в Пушкине «поэта жизни действительной», поборника «правды жизни». Но будучи диалектиком, он указывал, что на каждом этапе общественного развития отражение этой «правды жизни» всегда имеет свои политические пределы.

Историческая важность статей Белинского о Пушкине заключается не только в оценках отдельных произведений поэта, которые и по сие время поражают глубиной и многосторонностью, но и в острой постановке и разрешении, с точки зрения революционной демократии, вопросов первостепенного методологического значения.

Для Белинского вопрос о мировоззрении Пушкина — боевая проблема современного ему литературного движения, оружие в борьбе с дворянской идеологией и одно из средств воспитания в демократически настроенном писателе и читателе-современнике «здорового, практического чувства истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни»***.

«Наше время преклонит колени только перед художником, которого жизнь есть лучший комментарий на его творения, а творение — лучшее оправдание его жизни» — так ставил вопрос революционный демократ Белинский. В статьях о Пушкине Белинский выступил и объективным ценителем прошлого, и страстным поборником новой исторической эпохи в развитии русской освободительной мысли и литературы.

* В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., П. 1917, т. XI, стр. 46.

** Там же, стр. 47.

*** В. Г. Белинский, Собр. соч., М. 1948, т. 2, стр. 363.

Белинский увидел в поэзии Пушкина образец и критерий реалистической, подлинно народной, подлинно патриотической литературы. Белинский превратил богатство пушкинского творчества в достояние передовой части русского общества, он, по словам Н. Г. Чернышевского, «уронил во мнении публики ложь и утвердил истину».

Многочисленные высказывания Белинского о Пушкине, его неустанная пропаганда творчества «первого русского национального поэта», его обзоры и анализ пушкинских произведений явились своеобразной школой воспитания русского читателя, средством формирования его художественного вкуса и передовых, демократических убеждений. И если творчество Пушкина уже тогда было правильно понято и прочно вошло в сознание передовых кругов русского общества, а затем и в сознание народа, то этим фактом оно обязано не только гению творца, но и гению критика.

3

После смерти Пушкина царское самодержавие и его слуги прилагали все усилия, чтобы исказить облик великого поэта в монархическом духе. Ими была пушена в ход легенда о политическом «поправлении» Пушкина в 30-е годы. В этой фальсификации немалую роль сыграли и «друзья» Пушкина, в руках которых оказалось творческое наследие поэта. В. А. Жуковский в письме к отцу поэта сочинил версию о предсмертных словах Пушкина, заявившего якобы о своей преданности царю, и т. п. Жуковский «исправил» также многие из ранее не публиковавшихся произведений Пушкина, удалив из них все, что было направлено против самодержавия и крепостничества. Такие фальсификации предпринимались иногда и для того, чтобы провести через цензуру впервые печатаемые произведения Пушкина, а также сведения о его жизни и творчестве. Первый биограф поэта, П. В. Анненков, учитывая, что его статья просматривалась самим царем, расписывал мнимые благодеяния царского правительства, «заботливость», «попечительность» «начальства» в отношении Пушкина. Говоря, например, о вызове Николаем I Пушкина из михайловской ссылки, Анненков заявлял, что «впоследствии, во всех случаях жизни своей, Пушкин вспоминал о наставлениях, преподанных ему в это время отеческою снисходительностью». Подобная клевета не могла быть печатно опровергнута в России того времени из-за цензурных условий. Тем большее значение приобретали вышедшие за границу в 50-х и 60-х годах и нелегально распростра-

нявшиеся работы А. И. Герцена и Н. П. Огарева о русском общественном и литературном движении, в которых значительное место уделялось Пушкину. Герцен и Огарев рассматривали литературу в тесной связи с историческими условиями эпохи, с жизнью народа и революционной борьбой против эксплуататоров. Всячески популяризируя вольнолюбивые произведения Пушкина, оба критика подчеркивали его связь с революционным движением. Герцен считал «совершенно естественным» то обстоятельство, что именно в декабристский «период подъема и мечтаний явился великий русский поэт, Пушкин»*.

В противоположность «верноподданническим» писаниям официальных биографов Пушкина, Герцен заявлял, что Пушкин (так же как и другие выдающиеся русские поэты и писатели) стал жертвой самодержавного строя.

Оценки пушкинского наследия в 50—60-е годы — на втором этапе освободительного движения в России — в сильнейшей степени были связаны с ожесточенной борьбой между революционными демократами и либеральными дворянскими критиками. Борьба в критике и эстетике явилась отражением той напряженной классовой борьбы, которая велась в эти годы вокруг вопроса о крепостном праве. «Либералы так же, как и крепостники, — говорит В. И. Ленин, — стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»**. Объединенному дворянскому лагерю противостоял лагерь революционной демократии во главе с Чернышевским, который «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»***. Борясь против революционно-демократической эстетики, продолжавшей и развивавшей традиции Белинского, дворянские идеологи выдвинули теорию «искусства для искусства». Для подкрепления этой реакционной идеалистической теории они пытались использовать, превратно их истолковывая, некоторые произведения Пушкина 30-х годов. Начало этому положил еще Гоголь своей реакционной книгой «Выбранные места из переписки с друзьями» (1846 г.). В этой книге, восхвалявшей крепостнический строй, Гоголь, в отличие от своей ранней статьи, нарисовал искаженный образ Пушкина, представив

его таким поэтом, которому якобы «ни до кого не было дела». Он утверждал, что Пушкин не делал из своей поэзии «никакого применения к жизни в потребность человеку», что он «дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт, и ничего больше». По поводу этой книги Белинский написал знаменитое обличительное письмо, «в котором великий критик со всей присущей ему страстно бичевал Гоголя за его попытку изменить делу народа и перейти на сторону царя»*.

Более полное развитие теория «чистого искусства» получила в работах А. В. Дружинина, П. В. Анненкова, С. С. Дудышкина и позднее — Ап. Григорьева. Все эти критики стремились сделать из пушкинского творчества своеобразное «противоядие» против критического направления в русской литературе. С этой целью либерал Анненков писал, например, о Пушкине, что «созерцание природы и наслаждение искусством признавал он единственной целью своей жизни». Обосновать подобные утверждения можно было, лишь исходя из фальсифицированного текста некоторых пушкинских произведений. Так, например, из стихотворения «Из Пиндемонти» Анненков выбросил ряд строк таким образом, что оно приобретало прямо противоположный смысл. Одновременно с этим Дружинин в своих статьях создавал фальшивый образ «незлобного», «любящего» Пушкина, который, по словам этого критика, «более чем кто-либо из поэтов умел примирять противоположности и становиться выше всех скоропреходящих вопросов об искусстве». Дружинин утверждал, что произведения Пушкина совершенно лишены политической тенденциозности. Он всячески пытался доказать, что Пушкин принадлежал к тем поэтам, у которых «песнь» «не имеет в себе преднамеренной житейской морали и каких-либо других выводов, применимых к выгодам его современников, она служит сама себе наградой, целью и значением». Один из дворянских эстетов того времени Б. Алмазов прямо заявил (в литературном сборнике «Утро», 1859 г.), что Пушкин — «выше всех поэтов, когда-либо существовавших на земле, потому именно, что его поэзия не имеет определенного направления и не служит никаким идеям». Целью либерально-дворянской критики этого времени как раз и являлась пропаганда *безидейности*.

Всем этим эстетским положениям революционно-демократическая критика в лице Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и их последователей противопоставляла требование боевого, целеустремленного искусства, служащего интересам народных масс,

* А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, П. 1917, т. VII, стр. 231.

** В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 17, стр. 96.

*** Там же, стр. 97.

* А. А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1952, стр. 18.

разоблачающего крепостническую действительность царской России. В условиях 50-х и 60-х годов особую актуальность приобретали произведения тех писателей, которые продолжали традиции гоголевского реализма и гоголевской сатиры. Поэтому именно их и выдвигали в первую очередь революционные демократы. Вместе с тем они чрезвычайно высоко оценивали роль и значение Пушкина, несмотря на то, что им оставались неизвестными и наиболее социально заостренные места из его произведений и многие факты его биографии, указывавшие на теснейшую связь поэта с революционным движением его времени. С исключительным мастерством используя данные, приведенные Анненковым в «Материалах к биографии А. С. Пушкина», Чернышевский в статьях по поводу анненковского издания сочинений Пушкина дал сокрушительный отпор сторонникам «чистого искусства» (имея в виду прежде всего Дружинина, написавшего рецензию на это же издание).

Некоторые полемические высказывания Чернышевского и Добролюбова отчасти затрагивали и самого Пушкина. Не зная большого количества документальных материалов, характеризующих прогрессивность общественных позиций Пушкина (эти материалы лишь позднее стали достоянием науки), они были вынуждены пользоваться официальными данными, искажавшими образ великого поэта. Добролюбов, например, искренне недоумевал, читая о том, что Пушкин перед смертью примирился с самодержавием. Зная ряд вольнолюбивых произведений Пушкина, ходивших в списках, и сопоставляя это с тем, что писал Анненков о якобы монархических симпатиях Пушкина, критик изумлялся «странным колебаниям» поэта «между убеждениями самыми противоположными». Не зная, чем объяснить эти мнимые «колебания», революционные демократы искренно сожалели о «шаткости и смутности его убеждений, не давших ему глубже всмотреться в окружающую его действительность и огрызнуть в своих поэтических созданиях еще более важные и существенные стороны жизни, нежели какие он изображал»*.

Однако отдельные ошибочные положения подобного рода не помешали революционным демократам 60-х годов показать в своих работах величайшее значение пушкинского творчества для просвещения народа и для развития новой русской литературы. Следует отметить, что как только Анненков, в седьмом, дополнительном томе собрания сочинений, опубликовал некоторые ранее не печатавшиеся произведения Пушкина, — Добролюбов (в рецензии на этот том) тотчас же подверг уточнению некоторые из своих ранее высказанных

положений о творчестве великого поэта. Вопреки всем ухищрениям сторонников «искусства для искусства», революционные демократы отстаивали пушкинское наследие и, вслед за Белинским, показали прогрессивную роль Пушкина.

То, что сумели сделать Чернышевский и Добролюбов, оказалось не под силу выдающемуся представителю революционного просветительства и талантливому критику Д. И. Писареву.

Появление его известных статей о «Евгении Онегине» и лирике Пушкина (1865) нельзя объяснить без учета напряженной идейной борьбы, которая происходила тогда в русской критике. Эта борьба развернулась в связи с той интерпретацией творчества Пушкина, которая нашла свое наиболее яркое выражение у Ап. Григорьева, теоретика так называемого «почвенничества» — реакционного течения, близкого к славянофильству. Трактовка пушкинского творчества Ап. Григорьевым несколько отличалась от той, которую дали ранее Дружинин и Анненков. По словам Ап. Григорьева, Пушкин был «прежде всего художник», а художник — это «великая, наполовину сознательная, наполовину бессознательная сила жизни...» В произведении Пушкина он стремился найти выражение некоей мистической «вечной» «народной сущности». Идеалом для этого критика явился образ непритязательного и ограниченного дворянина Белкина. По определению Писарева, «вся критика Аполлона Григорьева и его последователей была основана на превознесении той всеобъемлющей любви, которую будто бы проникнуты насквозь все произведения Пушкина».

И вот из того, что «имя Пушкина сделалось знаменем неисправимых романтиков и литературных филистеров», Писарев сделал парадоксальный вывод о необходимости отказаться от пушкинского наследия. Критик считал, что это необходимо во имя борьбы с реакцией. «Так как борьба литературных партий, — писал он, — сделалась теперь упорною и непримиримою, так как духом партии обуславливаются теперь взгляды пишущих людей на прежних писателей даже в тех органах нашей печати, которые сами вопиют против духа партии, то и реалисты (так Писарев называл себя и своих сторонников. — Г. Ч.), сражаясь за свои идеи, поставлены в необходимость посмотреть повнимательней, с своей точки зрения, на те старые литературные кумиры и на те почтенные имена, за которые прячутся наши очень свирепые, но очень трусливые гонители». Для Писарева было важно поразить именно этих «гонителей» из лагеря «чистого искусства», «прятавшихся» за Пушкина. Но он совершил несомненную ошибку, фактически отдав им Пушкина, вместо того чтобы бороться за него. Это произошло потому, что Писарев, в отличие от

* Н. А. Добролюбов, Соч., М. 1935, т. II, стр. 422.

Чернышевского и Добролюбова, оказался в плену метафизического понимания истории. Он не учитывал конкретных условий эпохи и судил Пушкина и его героев так, как будто бы они были его, Писарева, современниками. Потому-то он так легко поддался на обман фальсификаторов и поставил знак равенства между «черным», фигурирующей в стихотворении Пушкина «Поэт и толпа», и... народом! А отсюда уже следовало чудовищное заключение о том, что Пушкин будто бы внушал своими произведениями «беспредельное равнодушие к народным страданиям» и «отвращение к полезному труду».

Не уяснив себе в широком историческом плане громадного освободительного значения пушкинского творчества (которое, как уже указывалось, ясно сознавал Белинский), Писарев увидел в «Евгении Онегине» «апофеозу statu quo» (восхваление существующего порядка вещей) потому, что в этом произведении отсутствует *такое* обличение крепостного права, которое стало возможным только в 60-е годы. Писаревский разбор «Евгения Онегина» обнаруживает свою несостоятельность тотчас же, как только выясняется, что Писарев приравнивает Пушкина к Онегину, автора — к герою произведения. Справедливо критикуя Онегина за его бездеятельность и никчемность, Писарев механически переносит эту критику на самого Пушкина. Внешняя убедительность писаревских доказательств оказывается построенной на песке.

Ратуя за традиции Белинского, Писарев, однако, логикой вещей обратил свою критику не только против Пушкина, но и против Белинского. Блестящие по форме, мастерски написанные статьи Писарева о Пушкине неправильно ориентировали читателей в течение многих лет; утверждения Писарева были убедительно опровергнуты только марксистской критикой.

4

Для передовых людей 60-х годов творчество Пушкина не являлось столь актуальным, как произведения Гоголя и писателей «натуральной школы». К тому же царские чиновники от просвещения делали все для того, чтобы навести на великого поэта «хрестоматийный глянец» (по выражению В. В. Маяковского). «Мы развивались не на нем, — писал Н. В. Шелгунов, — для нас Пушкин стоял уже в гимназической программе... Для людей же сороковых годов он был живым, новым человеком. Нам читать его приказывали; им — запрещали» («По поводу одной книги»).

Монархические и эстетские фальсификации творчества Пушкина, с одной стороны, писаревское «ниспровержение» его — с другой, долго мешали правильному пониманию роли и значения великого поэта. Но никакие превратные истолкования пушкинского творчества не могли ослабить его непосредственного влияния на развитие русской реалистической литературы XIX века. Этим могучим и плодотворным влиянием лучше всего подтверждается правильность оценки, данной Пушкину Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым.

К сокровищнице пушкинского творчества обращались все крупнейшие русские писатели. Некоторые из них, как, например, Н. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, засвидетельствовали свое обращение к Пушкину в развернутых статьях и речах, другие, как Некрасов, Гл. Успенский, Лев Толстой, — в кратких, но не менее выразительных высказываниях. Во всех случаях, когда писатели в своей оценке Пушкина исходили из *правдивого* отображения действительности, их отзывы о Пушкине характеризуются исключительной глубиной, сохраняя свою актуальность и по сей день. Но там, где на их построениях сказывается влияние реакционных наций и теорий, облик великого поэта неизбежно искажался. Сочетание того и другого можно видеть у Тургенева. Полное господство реакционной тенденциозности имеет место у позднего Гоголя и особенно у Достоевского.

В отличие от 40-х и 60-х годов, характеризующихся подъемом русской критической мысли, критика 70—80-х годов не смогла скольконибудь существенно продвинуть вперед освоение пушкинского наследия. Эклектические работы представителей либерального народничества (Скабичевский и др.), лишенные широкой исторической перспективы, не давали ничего нового в оценке творчества Пушкина. Однако и в этот период продолжалась борьба за пушкинское наследие. Различные политические течения пытались опереться на еще более возросшую к тому времени славу великого поэта. С особенной яркостью это вылилось во время торжеств 1880 года по поводу открытия памятника Пушкину в Москве.

Стремление воинствующей реакции использовать пушкинские произведения в своих целях нашло здесь свое отражение в известной речи Ф. М. Достоевского. Положения речи Достоевского показательны во многих отношениях. В них обнаруживается, в частности, та органическая связь, которая существует между национализмом и космополитизмом. Считая, что русский народ является «избранным» народом по сравнению со всеми остальными, Достоевский видел выражение этой избранности в том, что он будто бы стре-

мится растворить себя во «всемирности». «Стать настоящим русским» — это значит, по Достоевскому, «стать *всечеловеком*»; именно к этому направлена «сила духа русской народности». Потому-то и Пушкин, как народный поэт, становится, по его утверждению, «участником» стремления к «всечеловечности», выразителем его в литературе.

Достоевский указывал, что дело, собственно, не в «всемирной отзывчивости» Пушкина, «а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном...» и т. д. В этом, по Достоевскому, «выразилась именно народность его <Пушкина> поэзии».

Таким образом, если для революционных демократов и для всей прогрессивной критики народность Пушкина выражалась в его свободолюбивых идеалах и в правдивом, реалистическом отображении *российской* действительности, то для Достоевского народность Пушкина заключалась в способности «перевоплощаться вполне в чужую национальность».

Другой характернейшей чертой русского народа, дающей ему право на «избранность», является, по мнению Достоевского, якобы присущее ему «смирение». Исходя из этого тезиса, Достоевский проповедовал отказ от революционной борьбы. Он заявлял, что свобода человека может быть достигнута его победой... над самим собой («Победишь себя — станешь свободен»). Клевета на свободолюбивый русский народ, Достоевский клеветал и на Пушкина. Он обратился к произведениям великого поэта — к «Цыганам» и «Евгению Онегину» — только для того, чтобы, препарировав их соответствующим образом, подкрепить ими свой ханжеский призыв: «Смирись, гордый человек...» и т. п. По существу речь Достоевского являлась пропагандой «смирения» перед самодержавием.

Речь Достоевского, сочетавшая крайнюю реакционность с демагогией, имела большой успех среди буржуазно-дворянской интеллигенции и особенно у отступников и ренегатов революции.

В речи о Пушкине И. С. Тургенева, с положениями которой скрыто полемизировал Достоевский, отразилась иная политическая струя — струя умеренного дворянского либерализма. Внешне апеллируя к Белинскому, писатель частично использовал свою речь о Пушкине для пропаганды идей либерального «западничества» (в своем полном виде сформулированных устами одного из героев романа «Дым» — Потугина). Речь Тургенева отличалась половинчатостью и уклончивостью формулировок (например: «Название национально-всемирного поэта... мы не решаемся дать Пушкину, хоть и не дер-

заем его отнять у него»). Тургенев старался сглаживать «острые углы» и не называть вещи своими именами. Гибель Пушкина он рисовал как «трагическую случайность», а свое негодование по этому поводу называл «беспредметным». Подчеркнув, что, под влиянием Пушкина, каждый становится «более свободным человеком», Тургенев тотчас же поспешил оговориться: «Пусть это последнее слово не удивит вас... В поэзии — освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила...» Наряду со всем этим в речи Тургенева содержатся верные высказывания о Пушкине, сохраняющие свое значение и до настоящего времени.

Значительный интерес представляет оценка речи Достоевского и общего характера юбилейных пушкинских торжеств, данная Гл. И. Успенским в репортаже о них, напечатанном в «Отечественных записках», 1880, № 6 («Пушкинский праздник. Письмо из Москвы»). Здесь явственно ощущается отрицательное отношение к казенному тону пушкинского праздника и к тем цветистым, но пустым речам, которыми он изобиловал. Успенский, требовавший от ораторов ясней и обобщений, вначале поддался демагогии Достоевского и назвал его выступление «словом живым и достойным величайшего интереса». Однако, прочитав потом печатный текст речи, Успенский пришел к выводу, что «в ней есть нечто такое, что превращает ее в загадку, которую нет охоты разгадывать и которая сводит весь смысл речи почти на нуль». «Нечто», о котором Успенский говорит в *post scriptum'e* к своему письму, — это реакционная сущность речи Достоевского, превращающая ее, по словам критика, в «проповедь полнейшей мертвечины», «тупого, подневольного, грубого жертвоприношения».

В борьбе за идейное и художественное наследие Пушкина приняла участие великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин, для которого, на всем протяжении его деятельности, Пушкин являлся знаменем свободолюбивых идей и подлинно народного искусства. В своих отзывах о Пушкине Салтыков-Щедрин в 70—80-х годах продолжал революционные традиции шестидесятников.

В одиннадцатом «Письме к тетеньке» (1881) великий русский сатирик дал отповедь сторонникам теории «чистого искусства», отстаивавшим «право» художника отображать явления жизни объективистски — не давая им классовой и политической оценки. Как и в 60-е годы, эстетствующие теоретики и критики 80-х годов пытались демагогически использовать в своих целях пушкинское наследие. Салтыков-Щедрин разоблачил фальшь этих попыток.

«Но говорят: умел же писать Пушкин? — Умел! Написал же он «Повести Белкина», «Пиковую даму» и проч.? — Написал! Отчего же

современный художник не может обращать свою творческую деятельность на явления такого же характера, которыми не пренебрегал величайший из русских художников, Пушкин?

Ответ на это вовсе не труден. Во-первых, Пушкин не одну «Пиковую даму» написал, а многое и другое, о чем современные Ноздревы благоразумно умалчивают. Во-вторых, живи Пушкин *теперь*, он, *наверное*, не потратил бы себя на писание «Пиковой дамы». Ведь это только шутки шутят современные Ноздревы, приглашая литературу отдохнуть под сенью памятника Пушкина. В действительности, они столь же охотно пригласили бы Пушкина в участок, как и всякого другого, стремящегося проникнуть в тайности современности. Ибо они отлично понимают, что сущность пушкинского гения выразилась совсем не в «Пиковых дамах», а в тех стремлениях к общечеловеческим идеалам, на которые тогдашняя управа благочиния, как и нынешняя, смотрела и смотрит одинаково неприязненно».

Что касается «Пиковой дамы» и «Повестей Белкина», то их глубокое идейное содержание в то время еще не было ясно осознано даже и передовой критикой. Оно было по-настоящему раскрыто только в советскую эпоху.

В «Письмах к тетеньке» и, еще раньше, в «Современной идиллии» (1877) Салтыков-Щедрин едко высмеял «библиографическую» разработку Пушкина исследователями-схоластами, подменявшими действительное изучение пушкинского наследия отвлеченными и пустыми разысканиями, мелочной фактографией.

5

К концу XIX века буржуазно-дворянская критика окончательно зашла в тупик. Представители «академической» науки направили все свои усилия на то, чтобы придать еще большую «благонамеренность» облику великого поэта. Удобным поводом для этого послужил столетний юбилей со дня рождения Пушкина в 1899 году. В 900-е годы Пушкин уже в полной мере считался «официальным» поэтом. В. В. Маяковский вспоминал, что перед лекцией, которую он собирался прочесть, будучи в Николаеве, к нему подошел полицейский «чин» и заявил: «Имейте в виду, я не позволю вам говорить неодобрительно о деятельности начальства, ну, там Пушкина и вообще».

Научные изыскания о Пушкине в 90-е и 900-е годы носили фактографический и крохоборческий характер, они не касались

сущности пушкинского творчества. Критики этой поры избегали каких бы то ни было обобщений.

Из кризиса, к которому привела пушкиноведение буржуазно-дворянская наука и критика, его смогла вывести только марксистская критическая мысль, которая появилась в России на третьем, революционном этапе освободительного движения.

«Марксистская литературная критика, — говорил А. А. Жданов, являющаяся продолжательницей великих традиций Белинского, Чернышевского, Добролюбова, всегда была поборницей реалистического, общественно направленного искусства. Плеханов много поработал для того, чтобы разоблачить идеалистическое, антинаучное представление о литературе и искусстве и защитить основные положения наших великих русских революционеров-демократов, учивших видеть в литературе могучее средство служения народу»^{*}.

Начало марксистского освещения творчества Пушкина было положено Г. В. Плехановым в статье, посвященной эстетическим взглядам Белинского.

Разоблачая реакционную роль представителей теории «искусства для искусства» в эпоху 60-х годов, Плеханов подверг анализу и неправильные взгляды Писарева. Критик-марксист дал развернутое доказательство тому, что Пушкин, говоря о «черни», имел в виду отнюдь не народ, а придворную, аристократическую чернь. Плеханов подробно разобрал все обвинения, выдвинутые Писаревым против Пушкина в связи со стихотворением «Поэт и толпа», и показал их полную несостоятельность. Критик не ограничился только опровержением взглядов и оценок, подобных писаревским, но и обосновал историческую закономерность их появления.

Однако, говоря о великом поэте, Плеханов и сам допускал существенные ошибки. Крупнейшей из них является попытка Плеханова представить Пушкина периода 30-х годов сторонником «чистого искусства». Плеханов выводит это положение из порочной «теории», согласно которой принцип «искусства для искусства» является правомочным в те исторические эпохи, когда якобы сама действительность вынуждает художника следовать этому принципу.

Одним из зачинателей нового пушкиноведения на пролетарском этапе освободительного движения в России явился родоначальник

^{*} А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1952, стр. 19.

социалистического реализма А. М. Горький, сам испытавший на себе благотворное влияние пушкинских произведений.

Вопрос о значении для революционного пролетариата творчества Пушкина, как и других великих писателей, явился здесь основным и направляющим для А. М. Горького. Несмотря на некоторые свои ошибки (связанные с влиянием богдановских «теорий»), Горький в своих каприйских лекциях сумел правильно поставить и разрешить ряд важнейших вопросов, касающихся наследия великого поэта. Это, прежде всего, — вопрос о народности Пушкина, которую Горький ставил в зависимость от революционной идейности пушкинского творчества, от его величайшей роли в освободительном движении его эпохи. Широко и обстоятельно показав исторические условия первого периода деятельности Пушкина, Горький охарактеризовал его как поэта декабризма. Горький коснулся и вопроса о «черни», разрешив его так же, как Плеханов. Далее Горький показал, что великий русский поэт, правдиво отобразивший социальную действительность, смог возвыситься над тенденциями дворянского класса и объективно обрисовать его слабости и пороки. Горький охарактеризовал историческое значение Пушкина, как родоначальника новой русской литературы.

Критики-марксисты и революционные писатели повели борьбу против разлагающего влияния Достоевщины, против реакционных и ренегатских «теорий». Горький и позднее противопоставлял благотворное воздействие пушкинских произведений гнетворному влиянию Достоевского: «Я предпочел бы, — писал он в 1930 году, имея в виду Западную Европу, — чтоб «культурный мир» объединялся не Достоевским, а Пушкиным, ибо колоссальный и универсальный талант Пушкина — талант психически здоровый и оздоравливающий» («О литературе»).

Литераторы-марксисты выступали против декадентской критики, извращавшей пушкинское наследие в целях оправдания различного рода реакционных «теорий», против Минского, Мережковского и других воинствующих идеалистов, пытавшихся находить «созвучные» себе мотивы в творчестве Пушкина, приписывавших ему восприятие «темного», «загадочного», иррационального, объявлявших его провозвестником «духовного аристократизма».

Борясь с откровенно реакционными «теориями», Горький одновременно выступал и против наскоков различных ультра-«левых» критиков на классическое наследие, в частности на Пушкина. «Тем, кто кричит, что Пушкин устарел, — не верьте...» — предупреждал он одного из своих корреспондентов в 1913 году.

Передавая русская критика, начиная с Белинского, много сделала для популяризации и раскрытия пушкинского творчества. Но, как правильно указывал А. А. Фадеев, только Великая Октябрьская социалистическая революция и работа по коммунистическому воспитанию и просвещению народа, проводимая в Советском Союзе под руководством нашей партии, «превратили наследие Пушкина в величайшее народное достояние и раскрыли истинное значение его творчества для народа» *.

Только после революции стало возможным опубликование полностью всех произведений Пушкина и документов, связанных с его жизнью и творчеством. Впервые из архивов были извлечены и стали достоянием исследователей секретные дела о Пушкине, раскрывшие величайшую революционную роль его произведений, позволившие увидеть «загадочные» моменты его биографии. На основании изучения документов была разоблачена травля, которой подвергался поэт в последние годы жизни со стороны правящей верхушки во главе с Николаем I. Были полностью разрушены официальные легенды и «примирившиеся» Пушкине. Началась широкая разработка проблем пушкинского творчества в свете марксистско-ленинской теории.

Однако в первые годы после Октября еще давали о себе знать пережитки реакционных взглядов на творчество Пушкина. Они в значительной степени сказались, например, на работах В. Я. Брюсова.

В отличие от представителей «академической» цензурной науки, Брюсов правильно определял общий характер идейного развития Пушкина, указывая, что поэт до конца дней оставался непримиримым врагом царизма и крепостничества. В исследованиях В. Я. Брюсова о пушкинском стихе содержится ряд отдельных ценных наблюдений. Однако в целом эти его исследования построены на субъективистской и формалистской основе. В статье «Пушкин-мастер» (1923) чувствуются отзвуки реакционной теории «перевоплощения»: по мнению Брюсова, чтобы «стать великим поэтом, Пушкин поочередно становился поэтом разных стран и разных веков...» Брюсов утверждал, что Пушкина интересовало главным образом разрешение чисто формальных задач: «Встречаясь с тем или другим литературным памятником, Пушкин задавал себе вопрос: «А можно ли то же самое сделать по-русски?» По этой «теории», «побудительной

* Речь А. А. Фадеева на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР, «Литературная газета», 8. VI. 1949 г.

причиной», например, для создания «Песни о вешем Олеге» было... «искание на русском языке форм шиллеровской баллады».

Подобные формалистские «изыскания» подверглись серьезной критике со стороны А. В. Луначарского. Луначарский стремился осмыслить пушкинское творчество в свете тех экономических и социальных процессов, которые происходили в России в первой трети XIX века. Творчество великого поэта он рассматривал в связи с начинавшимся упадком дворянского класса, с той, как он писал, «великой драмой», «близко к началу которой стоит Пушкин, близко к концу — Толстой». Однако Луначарский зачастую упрощал вопрос: идя прямо от экономических причин, он не принимал во внимание всей сложности их взаимодействия с политическими факторами. Отсюда — ряд ошибок вульгарно-социологического характера и общий схематизм его концепции пушкинского творчества (Пушкин, например, трактовался им как идеолог «стародворянской части среднепоместной прослойки»). Луначарский сам сознавал предварительный характер своих исследований, указывая, что он находится «еще на первых ступенях работы». Однако, несмотря на все недочеты и ошибки, работы Луначарского явились важным вкладом в советскую науку о Пушкине. Луначарский высказал ряд ценных соображений о значении пушкинского наследия для строительства советской, социалистической культуры.

Работы о Пушкине Горького и Луначарского, подчеркивавшие подлинно-патриотическую сущность творчества великого поэта, сыграли значительную роль в развитии советского пушкиноведения.

В своих исследованиях советские пушкинисты, как и все наши литературоведы и критики, руководствуются основополагающими трудами В. И. Ленина и И. В. Сталина, решениями Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам и указаниями партийной печати.

Огромное значение для советского пушкиноведения и всей нашей филологической науки имеют высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина о языке Пушкина.

Ленин писал Луначарскому 18. I. 1920 года: «Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького...» * В 1921 году Ленин вновь возвращается к этому вопросу, подчеркивая, что словарь русских слов — от Пушкина до Горького — является словарем современного русского языка. В гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин ука-

* В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 35, стр. 369.

зывал: «Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако, если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от языка Пушкина» *.

«Пушкина знают и любят во всех уголках советской земли, — говорится в передовой статье газеты «Правда», посвященной 150-летию со дня рождения великого поэта, — Пушкина высоко ценит все передовое человечество. Имя Пушкина великий вождь грудящихся товарищ Сталин назвал в ряду имен самых выдающихся сынов великой русской нации — имен, составляющих славу нашего народа, его патристическую гордость». Пушкин явился родоначальником русской художественной литературы, основоположником того реалистического направления в ней, которое «составляет ее самую сильную и самую близкую народу черту». Но Пушкин, говорится далее в статье, «дорог нам, советским людям, не только как великий художник. Он дорог нам прежде всего своими прогрессивными идеями, своим вольнолюбием, своим гуманизмом. Несмотря на то, что его идеи не поднимались выше идей «просвещенного дворянства», Пушкин принадлежал к самым прогрессивным кругам своего общества — к тем кругам, которые дали России декабристов» **.

К настоящему времени тираж изданных в СССР произведений Пушкина превысил 60 миллионов экземпляров. За один только юбилейный 1949 год издательствами нашей страны было выпущено более 11 миллионов экземпляров пушкинских книг. Книги Пушкина издавались в СССР более 1600 раз, на 80 языках. Исполнилось процветство поэта:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык...

В Советской стране изучение жизни и творчества Пушкина стало общенародным делом. Любовь советских людей к великому поэту особенно ярко проявилась во время пушкинских юбилеев 1937 и 1949 годов, прошедших как всенародные праздники. Благодаря постоянным заботам партии и правительства советским пушкинистам предоставлены все возможности для плодотворной работы.

* И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 9.

** «Правда», 6. VI, 1949 г.

Советские ученые достигли значительных успехов в изучении пушкинского наследия. К настоящему времени собраны, прочитаны и опубликованы все сохранившиеся тексты Пушкина. В 1949 году завершено Полное академическое собрание сочинений и писем Пушкина, включающее черновые тексты и варианты. Создан ряд ценных работ о Пушкине — от монографий до массовых брошюр.

Значительным вкладом в науку являются труды о Пушкине Д. Д. Благого, Н. Л. Бродского, В. В. Виноградова, Б. С. Мейлаха, Б. Л. Модзалевского, М. В. Нечкиной, М. А. Цявловского и других ученых. Итоги изучения наследия Пушкина в Советском Союзе отражены в докладе К. М. Симонова на торжественном заседании, посвященном 150-летию со дня рождения великого поэта.

За последние годы советскими пушкинистами созданы новые выдающиеся работы. К ним относятся: монография Д. Д. Благого «Творческий путь Пушкина» (1813—1926) (М.—Л. 1950), удостоенная Сталинской премии II степени; труд М. А. Цявловского «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» (М. 1951); публикации вновь найденных материалов о Пушкине — в 58 томе «Литературного наследства» (М. 1952).

Новые перспективы в изучении творчества Пушкина открывает освещение проблемы типического в марксистско-ленинском понимании, данное в материалах XIX съезда КПСС.

Исследование типизации в творчестве Пушкина, изучение художественной формы пушкинских произведений, их языка и стиля — важные и почетные задачи советского пушкиноведения.

*В. Дорофеев,
Г. Черёмин*

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Пушкин в русской критике. <i>Вступительная статья В. Дорофеева и Г. Черёмина</i>)	3
--	---

Н. В. ГОГОЛЬ

Несколько слов о Пушкине	41
------------------------------------	----

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Ничто о ничем, или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) литературы (Отрывок) .	47
Литературная хроника (Отрывок)	50
Русская литература в 1840 году (Отрывок)	59
Сочинения Александра Пушкина	63
Русская литература в 1841 году (Отрывок)	76
Сочинения Александра Пушкина	
Статья первая	82
Статья четвертая	91
Статья пятая	128
Статья шестая	190
Статья седьмая	220
Статья восьмая	271
Статья девятая	317
Статья десятая	352
Статья одиннадцатая и последняя	386
Взгляд на русскую литературу 1847 года (Из статьи первой)	433

А. И. ГЕРЦЕН

О развитии революционных идей в России (Отрывки) . .	438
--	-----

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Сочинения Пушкина. Статья вторая 449

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

Сочинения Пушкина 480

О степени участия народности в развитии русской
литературы (Отрывок) 496

Н. П. ОГАРЕВ

Из предисловия к «Русской потаенной литературе XIX сто-
летия» 500

П. А. ГОНЧАРОВ

«Милльон терзаний!» (Отрывки) 508

Лучше поздно, чем никогда (Отрывок) 509

И. С. ТУРГЕНЕВ

〈Пушкин〉 512

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Застольное слово о Пушкине 523

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Литературные взгляды Белинского (Отрывки) 527

М. ГОРЬКИЙ

〈История русской литературы〉 (Отрывки) 542

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Александр Сергеевич Пушкин 564

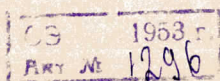
Александр Сергеевич Пушкин (Отрывок) 570

К. М. СИМОНОВ

Александр Сергеевич Пушкин 577

Примечания 609

Лм 44720

21